№7 (68) 2015
Общеписательская
Литературная газета

Юрий КОНОПЛЯННИКОВ

Везёт же вам

* * *

Февральская позёмка. Дело к вечеру. Ю.К. опаздывает на «Сапсан», идущий в Тверь (в Санкт-Петербург, конечно, — но через Тверь). А на выходе к Ленинградскому вокзалу, куда он уже выскочил из метро на станции «Комсомольская», перекрывает дорогу девушка-очаровашка, зазывая:

— Выставка «Итальянских вин»!!! Нужны солидные, респектабельные мужчины! Женщины!.. Мужчина! — по-хорошему обворожительно просит она Ю.К. — Приходите сегодня вечером...

— Спасибо, милая! — с придыханием благодарит он девушку-очаровашку. — Но я еду на съёмки.

— О! — приходит в восторг очаровашка. — Здорово! А кого будете играть?

— Алкаша! — небрежно бросает на бегу, миновав девушку, Ю.К.

— Везёт же вам! — кричит она вслед.

* * *

Замечательный украинский учёный, литературовед Михаил Кузьмич Наенко на праздновании 200-летия Тараса Шевченко в феврале 2014 года в Переделкино, когда стали помаленьку расходиться и шуметь участники, а его соотечественник, выдающийся поэт Борис Олейник попросил слова для завершения встречи у русских и украинских писателей, дал избалованной демократией публике укорот:

— Тихо! — скомандовал учёный. — А то колхозы ликвидировали, а колхозники остались!

* * *

— Кирюша! Тише! — папа-актёр по имени Иван Ягода несколько раз просил сына, ведя ребёнка в детский садик по коридору театрального общежития Калининского ТЮЗа. Но излагал он свою просьбу настолько громче сына, то и дело что-то говорившего, что в результате всех, кто ночевал эту ночь дома, разбудил окончательно.

* * *

Председатель одного из Литфондов Ст.К. поехал в Переделкино смотреть, как идёт ремонт арендуемой им дачи. Спустя некоторое время Ю.К., его заместитель по творческим вопросам, звонит и спрашивает:

— Ну что, небось, там с ремонтом ещё конь не валялся?

— Да нет. Конь-то валялся, но ещё не вставал, — ответил Ст. К.

* * *

В президиум съезда Международного сообщества писательских союзов предложили избрать авторитетнейших писателей Н.Ч. (делегат от Белоруссии) и И.М. (делегат от Адыгеи). Видимо, от волнения председатель данного собрания И.П., не завершив свою фразу, одобрил такой выбор съезда следующим образом:

— Аксакалы должны сидеть... — объявил он и пошёл к трибуне.

— Неважно где и когда! — поддержал И.П. белорусский коллега Н.Ч., усаживаясь в президиум.

* * *

В поликлинике в ожидании приёма к врачу 95-летний старец «пушит перья» перед двумя «молодками» лет по семьдесят, тешит их анекдотами:

— Есть анекдот. Его не очень приятно рассказывать.

— Ну, и не рассказывайте! — в один голос пытаются остановить старика «молодки».

— Нет. Вам можно, — балаболит он: — завклубом объявляет на зоне: «Сейчас перед вами выступит сионист Пер-Дюк! Извините, пианист Синдзюк!»

Смеётся старец и травит «молодкам», впавшим уже в почти обморочное состояние от услышанного, другой анекдот:

— Однокомнатная квартира, — весело фанфаронит дедуля: — он, она и Петя маленький. Он и она спрашивают: «Петя, ты спишь?» — «Нет», — отвечает Петя и получает первый подзатыльник. Вторично звучит вопрос: «Петя ты спишь?» — «Нет», — слышится в ответ. И вновь подзатыльник. «Когда ж они перестанут подзатыльники давать?» — думает Петя. Снова раздаётся: «Петя, ты спишь?» — «Да!» — невольно соглашается Петя. «Ну, поехали!» — командует папа для мамы. «Куда?» — удивляется Петя.

* * *

Громоздкий, сильно пожилой актёр, изображая на съёмочной площадке практически свой возраст, решил, что он слишком молодцевато выглядит и не дотягивает до результата. Поэтому стал плюсовать, показывать, что он старый и рыхлый — на полусогнутых стоит, чуть присев. Гнать, одним словом, стал старческую немощь. При этом, якобы ничего и никого не играя. Режиссёр недоволен:

— Вам сколько лет? — возмущается.

— Семьдесят четыре! — отвечает актёр.

— А играете так, — жучит его режиссёр, — как будто вам сто семьдесят четыре!

* * *

Доктор звонит на мобильный Ю.К. и спрашивает, почему его восемнадцатилетний сын не появляется в поликлинике на процедуры, которые так необходимы для парня.

— У него тут девушка появилась... — попытался найти вероятную причину отец.

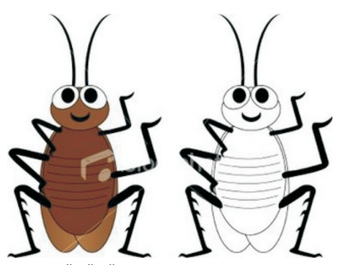
— А, ну понятно! — по-житейски точно заметила женщина-врач: — жизнь наладилась!

* * *

Семидесятипятилетний Вадим Александрович Александров, милицейский капитан из фильма «Усатый нянь» 1977 года, рассказал, как в молодости пили вино под названием «Южное» (это портвейн).

— На этикетке, как сейчас помню, парусник нарисован, — говорил и смеялся блистательный актёр. — Средь ночи проснулся, страшно пить захотелось. Пробираюсь в темноте на кухню, а там, знаешь, пол покрыт линолеумом. Пролитый, оказывается, портвейн насквозь пропечатался — красно-бурое пятно на полу не вывести ничем. Включаю свет и вижу, как два таракана хлебают остатки пролитого портвейна. На свет тараканы вздрогнули, побежали. Один сильно рванул вперёд, а второй задержался, резко обернулся и после уже в ужасе (что за чудовище нависло над ним?!) побежал от меня.

«Интересно, — явно с завистью к безупречной оригинальности услышанного повествования, подумал я, — а что бы рассказали об этом сами тараканы?».



* * *

Сидим в актёрском вагончике (гримвагене), ждём выхода на съёмочную площадку. Разрыв получился длинный после снятой предыдущей сцены. Томлением объяты. Вадим Александрович Александров принимает решение хоть чем-то себя занять, говорит: «Пойду за чаем сгоняю!» — «И мне принеси!» — просит коллега Николай Гаврилович Сморчков, гениально сыгравший раненого солдата, которому изменила невеста в фильме «Летят журавли» 1957 года (его просьбу не уважить нельзя: на площадке он — самый старший и, к чести сказать, свой киношный, актёрский потенциал не утратил, любому фору задаст). — «Ладно! — соглашается Вадим Александрович: — А тебе, Юр?» — спрашивает меня. — «Принеси!» — обрадовался я неожиданному предложению.

Александров выскакивает и слышится за пределами гримвагена его растерянный вопрос к самому себе: «А как же я троим-то принесу?».

* * *

Одесский актёр Валерий Яковлев (в Театре юного зрителя он Д'Артаньяна играл, естественно, в «Трёх мушкетёрах» Александра Дюма). Так вот однажды он влетел на университетскую кафедру Одесского госуниверситета и отхлестал по лицу молодого педагога, свою любовницу, которая, кстати, была замужем за капитаном дальнего плавания. Капитан же в это время плавал где-то в морях- океанах и, разумеется, не знал ничего.

Приревновав свою пассию неизвестно к кому, можно сказать, к фонарному столбу, актёр, таким образом, невзирая на студентов, находившихся в аудитории, со свойственным ему театральным пафосом влетев на кафедру, отшлёпал любимую «блудницу» и так же мгновенно, как появился, убежал.

А все, кто лицезрел эту скандальную выходку артиста, так и остались гадать: «Муж это был или кто?»

* * *

М.З., любимый ученик, а иногда и собутыльник В.Ф., звонит из Литинститута учителю домой, спрашивает:

— Вы чего сегодня на занятия не пришли?

— Ну как чего? — по-своему здраво рассудил знаменитый поэт, руководитель поэтического семинара. — Вышел на улицу, а там машины задом-наперёд едут. «Э-э! — сказал я сам себе. — Это знак свыше». И вернулся: идти никуда не стоит при таких обстоятельствах!

* * *

Лев Аннинский написал о поэте Иване Переверзине искреннюю, великолепную статью. Завистники тут же всё поставили под сомнение, стали утверждать, что Аннинский пишет исключительно за деньги, и притом за большие.

На что Ю.К. незамедлительно посоветовал тем, кто придумал эту туфту: «А пусть Георгий Зайцев заплатит или Феликс Кузнецов, или Юрий Поляков! Пусть про них с таким же блеском напишет Лев Аннинский!»

* * *

В 2011 году В.У. на постоянке проживал в старом корпусе, в номере 30 в Доме творчества писателей «Переделкино», и так захватывающе интересно он рассуждал тогда, в часы и минуты, когда к нему приходили гости, что не поделиться хотя бы одним из оригинальных высказываний поэта, было бы исторически неправильно.

«Поморы не говорят на личутинском языке. Я люблю Владимира Личутина, — винил и одновременно винился за свои высказывания В.У., — но он не прав в споре со Станиславом Куняевым. Личутин придумал язык, который ему нравится. Ну и, слава Богу! Почему он решил, что протопоп Аввакум (Аввакум родился и жил в XVII веке, пятнадцать лет провёл в земляной тюрьме в Пустозёрске, написал «Житие» и был сожжён по царскому указу — автор) говорил на языке Личутина? Да «Житие» Аввакума читается как современное литературное сочинение! А кто может такое сказать про роман Личутина "Раскол"?!».

* * *

В Доме Пашкова во время собрания российской общественности, посвящённого выходу в свет аутентичной редакции романа Михаила Александровича Шолохова «Тихий Дон», Феликс Кузнецов торжествовал до такой степени, что, внимая его бесконечно долгому выступлению, нам пришлось слушать не о Шолохове, каким он был, а про Шолохова, которого выносил в себе Кузнецов, то есть которого не было.

А председатель Союза писателей России Валерий Ганичев, рядом с которым в президиуме собрания находился Андрей Викторович, сын Виктора Черномырдина, отмечая заслуги тех, кто внёс бесценный вклад в это величайшее событие — выпуск «Тихого Дона» в подлинной редакции, объявил присутствие на презентации Феликса Кузнецова таким вот образом: «Огромную работу проделал, конечно, присутствующий здесь член-корреспондент РАН Феликс Феодосьевич Черномырдин...»

Когда же в большом и праздничном зале Пашкова Дома раздался смех, Валерий Ганичев поправился: «А что? — засмеялся он. — Виктора Степановича Черномырдина вполне можно считать членом-корреспондентом Российской академии наук!».

* * *

В 930-й палате отделения хирургии клиники Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова, где прооперировался Ю.К., идёт «перебранка»: медсестра, отправляя на перевязку послеоперационного больного, прибывшего в Москву из Ростова-на-Дону, вызывающе-бранчливо якобы напоминает о перевязочном материале:

— Наклейки взяли?

— Нет.

— А почему?

— Я ж тут не родился! — задиристо отвечает пребывавший в неведении о наклейках ростовчанин. — Никто ж ничего не говорит заранее!

* * *

Л.С. очень любит четвероногих друзей и классную книгу написал о них.

Когда же глубоко народной и человечной писательнице В. Г-вой сказали, что ей и Л.С. хотят присудить одинаковые премии, она иронично дистанцировалась от этого факта, воскликнув:

— Честь большая с собачьим писателем на Олимпе стоять!..

* * *

Одна из близких мне писательниц, моя современница, взглянув на Бориса Пастернака, сделала сногсшибательное открытие:

— Он похож одновременно и на бедуина, — заметила она, — и на его лошадь...

* * *

— Саша! — заявил я своему сокурснику по ГИТИСу, а ныне телеведущему Александру Мягченкову, взявшемуся обеспечить меня рекомендациями для вступления в Союз кинематографистов и после этого почему-то замолчавшему: — Обильное пьянство, — выразил я некоторую досаду на этот счёт, — постепенно ушло из творческих кругов. Но в нём были положительные моменты: один из моих рекомендателей по вступлению в Союз писателей из-за занятости в застольях никак не мог написать текст рекомендации и распорядился, чтобы я это сделал сам. Наконец, когда текст был готов, я позвонил и попросил подпись. Он и это оказался не в состоянии сделать и дал команду: «Распишись за меня!». Так что нужно сделать, чтоб твои именитые киношники-рекомендатели пришли к такому же результату?!

* * *

Летом 2014 года мои друзья-земляки, крымчане, когда я у них отдыхал, неожиданно спросили: «Правда ли, что между Обамой и Путиным произошёл вот такой телефонный разговор: «Обама: "Россия обязана считаться с нашим мнением". Путин: "Когда мне нужно будет ваше мнение — я вам об этом скажу!"» — «Ну, наверно, — ответил я, — между ними постоянно идут какие-то телефонные переговоры!».

* * *

«Дурно понятая американизация отечественной литературы, — записал я в своём дневнике, — привела к Полякову. Если главный писатель у нас Юрий Поляков, то национальная литература в тупике».

* * *

Ещё одна дневниковая запись о такого же свойства о писателе: «Токующий либерал Михаил Веллер. Ему всё равно, что говорить. Он говорит и говорит. Никого — даже самого себя! — не слыша и не слушая».

* * *

В Севастополе, купаясь в лучах яркого солнца, садимся в маршрутку на улице Генерала Мельника. Оборачиваюсь к сыну, который проскочил на сиденье, расположенное сзади, чтобы сказать, что выходим на площади Адмирала Лазарева. Но под боком с вопросом обнаруживается очаровательная пышнотелая одесситка.

— Вы ищите свободное место или приятную соседку? — кокетливо стреляя глазками, спрашивает она.

У меня аж сердце ёкнуло.

— Ну, что вы! — польстил я бесподобно романтичной толстушке. — Лучше вас разве может кто-либо быть?!

Любезная попутчица благодарно, нежно расцвела.

* * *

Нахожусь в Ставрополе. Погожий солнечный денёк. 4 ноября 2014 года — День народного единства. К нему приурочен Ставропольский фестиваль творческих союзов, и поэтому я здесь.

После серых ветреных дней прошедшей недели настроение приподнятое, жизнерадостное. Передо мной Николаевский проспект (по старинке), а со времён большевиков — проспект Карла Маркса, иду вниз по нему. На спуске с Комсомольской горки обувной магазин. Захожу.

Там уже прохаживается, изучает обувной товар один из наших — поэт Виктор Пеленягрэ. Приветствую коллегу по творческому цеху и по его праздному, прогулочному виду понимаю, что делать здесь нечего. Поворачиваю на выход, за мной следует и он, коллега.

Вдруг милая девица (кто её просил?!), продавец обуви, поспешно пытается проявить к нам неподдельный человеческий интерес: «До свидания, — говорит она, — заходите ещё!» Пеленягрэ радостно принимает приглашение, разворачивается и ласково обещает: «Да, я вернусь, — грозно басит он после этого словно уголовник: — за тобой!».

* * *

На дачу в Переделкино к Валентину Устинову ходят разные персонажи. Один из них, некий Зубиков, не имеющий, прямо скажем, ну, никакого отношения к поэзии (просто живёт по соседству, вот и ходит к большому поэту — на «поэтические чтения»).

Наслушавшись стихов, этот самый Зубиков настолько поднаторел в литературном деле, что возомнил себя почти мэтром, позволяющим решать, кому следует заниматься стихотворчеством, а кому нет.

Выступление моего любимого поэта Валерия Иванова Зубиков сопроводил, например, буквально следующим: «Ты не своим делом занялся!»

Представляете, какого душителя поэтического слова пригрел возле себя Валентин Устинов?!

* * *

Позвонила из Ивантеевки Ася Ершова и внесла некоторую экзотику в череду примелькавшихся событий современной литературной жизни:

— У нас тут напротив литобъединение. Они, члены литобъединения, конечно же, — пояснила писательница, — уже не пишут ничего, стихи натырят в интернете и читают друг другу. Главное же — побыть вместе, пошизовать.